

В одно мгновение бесчисленные призраки явились по зову, неся знак приказа.

Внутри торгового центра человеческие столпы и нечисть сцепились так, что вокруг словно померкли небо и земля. Человеческие столпы были созданы как люди, и именно человеческая природа стала их слабостью. У них оставались человеческие тела и некоторые свойства живых.

Юань Чжэнчу и Цуй Сяню было трудно с ними справляться, но блуждающие души и дикие призраки ни в чём себя не ограничивали: одни вселялись в тела, другие устраивали призрачные стены. Цуй Сянь собственными глазами увидел, как один человеческий столп, который секунду назад бросался на Юань Чжэнчу, вдруг застыл на месте. Сначала растерянно замер, а потом с радостным видом начал играть собственными кишками, вывалившимися из груди и живота. Другие, попав в призрачную стену, бесконечно кружили на одном месте и, размахивая обрубками рук, утыканными благовониями, в ярости никак не могли найти выход.

Так Юань Чжэнчу наконец вырвался из бесконечной осады человеческих столпов. Сжимая Шэньцюэ Инь и Ян, он развернулся и издали направил меч в полёт прямо на безголового великана.

Почувствовав опасность, тот поспешно превратил скверную ци в щит, прикрывая пасть в своей грудной клетке. Напор Шэньцюэ Инь и Ян постепенно ослаб, и меч застрял в густой, словно тушь, скверной ци.

Цуй Сянь в это время находился неподалёку, защищая цзяожэня и Чжань Чуаня. Увидев, что происходит, он ни слова не сказал: окружившие его призраки расчистили дорогу, и он одним стремительным рывком оказался перед безголовым великаном.

Воспользовавшись тем, что тот не ожидал нападения, Цуй Сянь обеими руками крепко схватился за рукоять Шэньцюэ Инь и Ян и громко крикнул:

— Ко мне!

Кровь с ладоней Цуй Сяня стекла на рукоять. Шэньцюэ Инь и Ян тут же низко загудел и вспыхнул ослепительным светом. Клинок из белого стал чёрным, а затем под действием двух ци - Инь и Ян - с сухим «щелчком» разделился надвое.

Цуй Сянь держал в руке одну из половин - чёрный меч. И тот, не встречая почти никакого сопротивления, вошёл в скверную ци. Рассечь её оказалось так же легко, как разрезать лист бумаги.

Все присутствующие «люди» на мгновение застыли.

Замер тот, кто держал меч.

Замер и тот, кого им пронзили.

Иньский клинок прорвал защиту и вошёл прямо в грудь безголового великана. Всё его тело оцепенело. Цзяожэнь был совсем рядом, жемчужина - почти перед ним, но в итоге он так и не смог её заполучить.

Его алчность не знала насыщения. Всю жизнь им пользовалось «божество», всю жизнь он боролся и рвался вперёд. И в конце концов его путь оборвался здесь.

Ароматические палочки в обрубке шеи постепенно погасли. Скверная ци, окутывавшая всё тело великана, рассеялась во все стороны: небольшая часть растворилась между Небом и Землёй, но большую часть поглотил чёрный меч в руке Цуй Сяня. Скверна втянулась в знак тайцзи у рукояти, где Инь и Ян непрерывно вращались: чёрное становилось белым, белое - снова чёрным, вновь и вновь проходя через превращение и круговорот.

Стоило этому «божественному посланнику» погибнуть, как всё заброшенное здание торгового центра задрожало. Бесконечный коридор, замкнутый в нескончаемый цикл, начал схлопываться, а следом стала рушиться и сама постройка. Все ароматические палочки, воткнутые в тела человеческих столпов, разом погасли. Некоторые пришли в себя и, увидев собственные изуродованные, жуткие тела, тут же от ужаса потеряли сознание. Но были и такие, кто даже в этот момент продолжал цепляться за своё безумное верование: раскрасневшись от возбуждения, они падали на колени перед каменной статуей с тысячей рук и тысячей глаз и молились, прося принять их в жертву, чтобы Почтенный Цзован смог снизить в мир.

С потолка один за другим сыпались камни и куски бетона. Юань Чжэнчу левой рукой подхватил цзяожэня, правой взвалил на плечо Цуй Сяня, который всё ещё ошеломлённо таращился из-за перемены, произошедшей с Шэньцзюэ Инь и Ян. Сам цзяожэнь тем временем обеими руками держал Чжань Чуаня.

Юань Чжэнчу был высоким и длинноногим, поэтому очень быстро выбрался из здания, которое вот-вот должно было окончательно рухнуть.

Цуй Сянь, болтаясь у него на плече, всё-таки не выдержал и виновато пробормотал:

— Я... кажется, сломал твой наследственный божественный меч.

Юань Чжэнчу вздохнул:

— Потом разберёмся.

Цуй Сянь посмотрел туда, куда был направлен его взгляд, и увидел, что снаружи торговый центр уже окружили практики - несколько плотных колец одно за другим. А во главе стоял не

кто иной, как Фэн Сяофэн, тот самый, который заведовал громом и дождём.

Увидев, в каком потрепанном виде вышли Цуй Сянь и остальные, Фэн Сяофэн сразу уставился на покрытого ранами цзяожэня. Цуй Сяню хватило одного взгляда, чтобы понять, что старик подумал. Он тут же спрыгнул с плеча Юань Чжэнчу.

— Это не цзяожэнь сорвал печать. У вас тут прямо под носом злое божество себе логово устроило. Раз уж людей у вас много, быстро идите спасать тех, кто внутри. Там полно живых человеческих столпов.

— Что? Живых человеческих столпов?!

Некоторые пожилые сотрудники оперативного отряда явно слышали о таком и потому были потрясены. Даже лицо Фэн Сяофэна заметно побледнело.

— Подробности в другой день расспрошу у вас лично.

Сказав это, он больше не медлил и тут же начал быстро организовывать людей для спасательной операции.□

Все действительно были хорошо натренированы. Даже посреди хаоса они действовали организованно и прекрасно координировались: одни использовали техники стихии земли, укрепляя основание здания, другие заклинанием каменной опоры удерживали рушащуюся конструкцию, а самые быстрые, вооружившись сетями для поимки демонов, пробирались внутрь и вытаскивали людей. Их буквально вылавливали наружу сеть за сетью. Даже спасатели цокали языками: людей было слишком много, состояние у них - слишком страшное, и за короткое время спасти всех было просто невозможно.

Поэтому перед тем как уйти, Цуй Сянь сложил руками печать и про себя прочитал заклинание. В следующее мгновение произошло нечто, от чего оперативный отряд ошеломлённо замер. По торговому центру пронёсся ледяной призрачный ветер, и человеческие столпы один за другим, молча, ровными рядами начали самостоятельно выходить из здания, которое вот-вот должно было обрушиться. Картина была настолько тихой, что становилось жутко.

Но стоило им выбраться наружу, как все разом вздрагивали и снова становились прежними: на лицах возвращались обычные человеческие эмоции - кто-то рыдал и кричал, кто-то по-прежнему упрямо цеплялся за свою веру до последнего.

Всё было очевидно. В них вселились призраки.

А Цуй Сянь, Юань Чжэнчу и остальные воспользовались суматохой и тихо покинули это место. Что дальше будут делать с этими «человеческими столпами» - уже не его забота, подумал Цуй Сянь. В конце концов, он всего лишь держит маленькую лавку на призрачной улице, продаёт

талисманы да бумажные подношения.

Возле торгового центра они нашли тот самый разваленный электрический трицикл Чжань Чуаня. Сидевший в кузове Чжань Чуань понемногу приходил в себя. Увидев рядом израненного до неузнаваемости цзяожэня, он тут же расплакался.

Цуй Сянь удивлённо обернулся. Они росли вместе с детства, и, кроме тех случаев, когда у Чжань Чуаня умирали родные, Цуй Сянь никогда не видел, чтобы тот плакал вот так.

Цзяожэнь моргнул, но у него уже не осталось сил даже поднять руку и утешить Чжань Чуаня.

Цуй Сяню стало невыносимо смотреть на них обоих, и он поспешно спросил Юань Чжэнчу:

— То, что ты раньше говорил мне о цзяожэнях... это правда?

Юань Чжэнчу не отрывал взгляда от Шэньцюэ Инь и Ян, который теперь превратился в пару длинных мечей - чёрный и белый.

Не поднимая головы, он коротко ответил:

— Угу.

Цуй Сянь поспешно обернулся к Чжань Чуаню:

— Сейчас его жизни ничего не угрожает, ещё не поздно. На суше раны цзяожэней плохо заживают, но если вернуть его в море, он сможет черпать силу океана и очень быстро восстановится.

В глазах Чжань Чуаня тут же вспыхнула надежда, и он принялся без конца расспрашивать о подробностях, пока наконец не вывел Цуй Сяня из себя.

— Да откуда я знаю, повлияют ли раны на цвет его чешуи! Когда доберёмся до моря, сам его отпустишь, сам и посмотришь.

Только он успокоил Чжань Чуаня, как повернул голову и обнаружил рядом ещё одного тяжеловеса - короля холодных лиц. Правда, на этот раз неприятность действительно была устроена им самим, причём немаленькая. Поэтому Цуй Сянь с искренней виноватостью сказал Юань Чжэнчу:

— Может, я тебе Кисть Судьи отдам в качестве компенсации? Она у меня тоже, наверное, наследственная. Хотя как-то возмещу ущерб?

Но Юань Чжэнчу ничего не ответил. Он лишь поднял голову и посмотрел на Цуй Сяня одновременно озадаченно и как-то странно, необычно. И так смотрел на него всю дорогу до моря. Цуй Сянь понимал, что виноват, поэтому даже не осмеливался возмущаться и всю дорогу покорно позволял себя «рассматривать».

Когда они добрались до реки у морского устья, уже наступила ночь. Цуй Сянь поднял голову. Высоко в небе висела яркая луна, далёкая, холодная, отстранённая. Видела ли она когда-нибудь под своим светом, насколько перевернутым и хаотичным стал человеческий мир?

По воде расходились мягкие волны, отражая чистый белый лунный свет.

Из осторожности Цуй Сянь ещё раз проверил печать на жемчужине цзяожэня и напомнил:

— Когда вернёшься в море, можешь понемногу, небольшими порциями поглощать скверную ци. Только не вздумай втягивать сразу слишком много. А когда снова дойдёшь до предела, приходи ко мне, я заново наложу печать.

Цзяожэнь кивнул. Он протянул уже иссохшую длинную руку, похожую на нефрит, и перепончатыми пальцами легко коснулся ладони Цуй Сяня. Мелькнул слабый голубой свет.

Впервые цзяожэнь заговорил с Цуй Сянем через прикосновение. И первыми его словами стали благодарность и прощание.

— Мы ещё увидимся. Про твоего отца, короля цзяожэней, я не забуду. Если появятся какие-нибудь следы, обязательно сообщу тебе. Кстати, а как тебя вообще найти?

Цзяожэнь покачал головой и снова коснулся руки Цуй Сяня. Он сказал: достаточно просто встать у моря, и он услышит. С тех пор как он начал, подобно своему отцу, поглощать скверную ци океана, само море стало его чувствами, его восприятием.

Цуй Сянь невольно проникся этим, но всё же напоследок не удержался и спросил:

— Слышал, что самцы цзяожэней тоже могут рожать детей. Это правда?

Цзяожэнь понял, что Цуй Сянь просто его дразнит, и легонько шлёпнул его, после чего надул губы и отвернулся, не желая отвечать. За время, проведённое вместе, он уже успел понять, что Цуй Сянь за человек: временами надёжный и решительный, способный действовать без колебаний, но рядом с теми, кого считал близкими, он снимал всякую настороженность и становился словно без царя в голове, время от времени выдавая что-нибудь совершенно нелепое.

В конце концов у мерцающей в лунном свете воды Чжань Чуань взял на руки цзяожэня, похожего сейчас на увядшую розу, и шаг за шагом вошёл с ним в реку. Прохладная вода

постепенно пропитала их одежду и поднялась до груди. В этот момент Чжань Чуань уже не мог идти дальше, а цзяожэнь, наоборот, только начал свободно двигаться в воде.

Разница между их видами в эту минуту стала особенно очевидной и жестокой.

Чжань Чуань понемногу разжал руки, которыми держал цзяожэня. Ещё в ту самую первую встречу, когда тот выпрыгнул из воды перед ним, Чжань Чуань уже понял: это дух, принадлежащий морю. А он сам всего лишь рыбак с суши, которому остаётся только желать невозможного.

Они смотрели друг другу в глаза.

Чжань Чуань решил, что последним воспоминанием о нём должна остаться улыбка, поэтому слегка приподнял уголки губ и погладил цзяожэня по синим волосам.

— Если потом уплывёшь к каким-нибудь другим берегам, больше не хватай что попало с крючка. А то ещё снова кто-нибудь тебя выловит. Если окажешься слишком далеко, я уже не смогу приехать тебя спасти.

Цзяожэнь ничего не ответил. Он протянул руки, обхватил лицо Чжань Чуаня ладонями и глубоко посмотрел на него прозрачными, словно морская вода, синими глазами. А затем слёзы, скатившиеся по его щекам, превратились в розовые жемчужины и упали в ладони Чжань Чуаня.

Тот застыл, держа жемчуг в руках.

А вдали вода уже забурлила: сородичи цзяожэня прибыли встречать своего молодого, раненого нового короля.

Длинный хвост цзяожэня, уже напитанный водой и постепенно восстанавливавшийся, слегка изогнулся. Он отпустил руку Чжань Чуаня, погрузился в мерцающую воду и в конце концов исчез из виду.

Чжань Чуань так и остался стоять на месте, держа в ладонях розовые слёзы того, кого полюбил.

Цуй Сянь смотрел на его одинокую фигуру в воде и мог лишь тихо вздохнуть.

— Влюбился в того, в кого не стоило... Вот ведь бедолага.

Юань Чжэнчу, однако, держа меч, спросил:

— Что значит «тот, в кого не стоило влюбляться»?

Цуй Сянь указал подбородком в сторону Чжань Чуаня:

— Вон, это как раз такой случай. Любят друг друга, а быть вместе не могут. Может, у них ещё и репродуктивная изоляция есть. Вот и мучаются.

После этого Юань Чжэнчу снова опустил взгляд на меч Шэньцюэ, разделившийся теперь на два клинка - иньский и янский, и молча задумался.

Всю дорогу обратно никто почти не разговаривал, и атмосфера стояла довольно тяжёлая. Цуй Сянь недоумевал: у Чжань Чуаня настроение испорчено из-за несчастной любви - это понятно. Но Юань Чжэнчу-то что опять не так? С ним разговариваешь, а он даже не отвечает. Вот ведь раздражающий молчун, словно рот зашили!

Когда они вернулись в старую усадьбу и открыли дверь, первым в глаза бросился деревянный чан, которым цзяожэнь обычно пользовался, а рядом валялись маленькие игрушечные уточки и прочая мелочь. От этого Чжань Чуань приуныл ещё сильнее. Даже только что проснувшийся Сяо Ба, увидев, что среди вернувшихся нет цзяожэня, несколько раз обошёл всех кругом. Такая огромная порция будущей еды, и вдруг пропала!

Цуй Сянь погладил Сяо Ба по голове. В последнее время кот почему-то стал ужасно сонливым, поэтому на этот раз, когда они повезли цзяожэня проверять уровень загрязнения, его с собой не взяли. Кто же знал, что по дороге случится столько всего и они едва не останутся там навсегда.

Цуй Сянь крепко прижал Сяо Ба к себе и принялся тереться лицом о его мягкий чёрный живот.

— Сяо Ба, всё-таки ты лучше всех. Не умеешь говорить, значит, и игнорировать мои слова не будешь. И гладить себя даёшь, и обнимать, и целовать. Хороший кот, хороший сынок!

Только он закончил эти явно адресованные кое-кому слова, как дверь открылась и вошёл Юань Чжэнчу. На поясе у него висел янский меч, а в руке он держал второй - иньский. По его виду было ясно, что он долго всё обдумывал и лишь теперь наконец принял решение.

— Этот Шэньцюэ пока будет у тебя. Пользуйся.

Юань Чжэнчу протянул Цуй Сяню иньский меч.

Цуй Сянь тут же польщённо бросил Сяо Ба, преувеличенно торжественно опустил на одно колено и возгласил:

— Благодарю названного отца за дарованный меч!

Дыхание Юань Чжэнчу на мгновение сбилось. Ему явно захотелось тут же убрать меч и уйти. Но Цуй Сянь уже смеясь ухватил его и потянул обратно.

— Ты чего? Подарил и сразу передумал? У Небесных наставников теперь такой уровень воспитания?

Юань Чжэнчу вздохнул и всё-таки протянул меч. Цуй Сянь радостно принял чёрный Шэньцюэ и даже с серьёзным видом поинтересовался:

— А что означает название «Шэньцюэ»?

— «Шэньцюэ Инь и Ян» назван в честь одной из духовных точек человеческого тела. Смысл в том, что это центральные врата между Инь и Ян.

Цуй Сянь задумчиво смаковал объяснение, пока наконец не вспомнил, где именно находится точка Шэньцюэ, и тут же просиял:

— А-а, понятно! То есть это просто пупок между Небом и Землёй.

Меч разгневался.

Юань Чжэнчу поднялся, забрал его обратно, развернулся и решительно ушёл.

— Я виноват, виноват! Ну хватит сердиться, Чэньлянь! Чэньлянь...

А в другой комнате Чжань Чуань всю ночь ворочался с боку на бок и лишь под утро наконец принял решение. Он достал телефон и позвонил агенту по недвижимости.

— Алло. Да. Я хочу продать дом.

<http://bllate.org/book/18411/2087613>